

СВЕТЛЯЧОК

07.05.2013

№5 (26) Май 2013 года

НИКТО НЕ ЗАБЫТ
НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

МАТЕРИ

Ко мне война приходит в снах
Да в маминых рассказах,
Кровавых ссадин на руках
Я не видал ни разу.

А говорят, горел закат
Огнем подбитых танков,
И необстрелянных ребят
Водила смерть в атаку.

А поле плакало слезой
Несобранного жита,
И хлебец горький с лебедой
Творили под молитву.

Рассказывала мама мне,
Что не хватало спичек,
И была сладкой на столе
Сорняк-трава язычник.

Была траншеями земля
Вокруг домов изрыта.
Да по деревне тополя
Осколками побиты.

Ко мне война приходит в снах
Да в маминых рассказах...
Лесин еловых на плечах
Я не таскал ни разу.

... Содрали кожу со спины
в концлагере у деда.
Скупой частичкой той цены
Оплачена Победа.

Валерий Линкевич,
Андреаполь

НОВОБРАНЦЫ

Лето выдалось страстное, с грозами.
Тучи шагали почти по земле.
Были не красными – купоросными
Дни-угольки в остывавшей золе.

Горбился лес, в саду падали яблоки,
Как новобранцы в первом бою,
И непонятно: кого кто оплакивал,
Кто колыбельную пел: бай-баю...

Под облаками воронами чёрными
Хищно-спокойно кружат «Мессера».
Мы, необстрелянные, беспогонные,
Рот раздираем в солдатском «ура!..»

Горбится лес. Где-то падают яблоки.
Мы – новобранцы – в первом бою...
Кто-нибудь будет потом нас оплакивать,
Петь колыбельную: «бай-бай-баю!..»

Юрий Смирнов,
Торжок - Андреаполь

ПИСЬМО ИЗ ГОДА 41-го

Боец писал письмо перед боем.
Уставший, оглохший от воя снарядов.
Спешил в скупых строчках родных успокоить:
Мол, за него волноваться не надо.
Что жив и здоров он,
И все с ним в порядке.
Одет и обут, в общем, обмундирован.
Что не страшны ему с фрицами схватки.
Лежат в вещмешке котелок и ложка,
Сухой паек, сахарку немножко.
В общем, к солдатскому быту привык.
По дому скучает, но это пустяк.
Только б скорей наступил тот миг,
Когда будет сломлен коварный враг.

Прозвучала команда:
«Приготовиться к бою!»
Засунув в карман гимнастерки
Треугольником свернутый лист
И шуря глаза от огненного зноя,
Он побежал вперед –
под пуль смертельный свист.

Стреляя на ходу из автоматов,
Теснил врага отважный взвод.
Ряды редели. Намертво
сраженные ребята
Беззвучно на весь Мир кричали:
«За Родину – вперед, вперед, вперед!»

Не дождалась мать сына,
Все слезы выплакала
И проглядела все глаза.
И вздрагивала каждый раз,
Когда ветка калины
Скреблась в окно и грохотала
по ночам гроза.
Солдатское письмо из года 41-го
Ей было получить не суждено.
Скиталось оно семь десятков лет
по свету белому.
Хоть поистерлось, но сохранено.
И не одно оно – их сотни, весточек солдатских,
Исчезнувших, казалось, навсегда.
Сегодня тщетно ищут бывших адресатов,
Чтобы с войны привет сыновний передать.

Людмила Савельева,
г. Западная Двина

(продолжение, начало в №13(21) за 2012г., №1(22) - №4 (25) за 2013г.).

Наше время похоже на странный коллаж

Смирнов Юрий Алексеевич

(Любино – Торжок – Маслово)

Дневники 1980 – 2012 гг.

1986

20.08

О Боже, дай мне бедному, в удел,
Что б я искусством слова овладел...

Алишер Навои

21.08

Анатолий Варшавский «Города раскрывают тайны» и
Войтех Замаровский «Тайны хеттов». – Интересные книги, тем более, что история сама по себе
интересна, особенно древняя.

24.08

Зенон Косидовский «Когда солнце было Богом». История древних цивилизаций изложена ярко и
красиво. Что ещё душе надо.

27.08

Чушь говорят те (и я в их числе), кто говорит, что им сейчас одиноко и скучно. Просто
одиночество и скука – это безделие. Дело – это удивление каждый день, это открытие нового.
Каждый человек в известной степени Колумб. Вокруг столько прекрасного, неизвестного тебе,
требующего твоего взгляда, прикосновения, участия.

2.11

Заниматься в университете интересно. Правда, непривычно огромный поток информации, очень
трудно переварить сразу, приходится сжимать зубы. Не всё, конечно, и нравится.

Пишу рецензию на стихи какого-то Михаила Карбышева; стихи мне не нравятся. Во-первых, я не
принимаю сорокалетних поэтов-современников; а во-вторых, то, о чём он пишет, мне давно
известно и успело порядком надоест. Лучше всего цикл «Весенние мотивы»: поживее и свежее
метафоры, несколько более удачных образов, но ото всего веет таким старческим безразличием и
холодком, такой рассудочностью, точно поэт от скуки стал поэтом, а книжку его обязали написать
по какой-нибудь разнарядке.

Вот и всё, что можно было бы написать об этой книжке, а нужно ещё выдержать форму, объём,
доказательную базу. Уж лучше бы этот поэт сам на себя строчил рецензии.

23.11

Чтобы кому что-либо доказать, надо быть обладателем горы (золотой) разнообразнейших
сведений и фактов. Для этого нужно постоянно работать. В противном случае все доказательства
будут опираться только на мнения и вкусы – слишком рыхлый фундамент, чтобы построить
прочное здание аргументации.

1987

12.07

Жалость – черта присущая нормальному здоровому человеку. Но советчик она плохой, и
принимая то или иное решение лучше опираться не на неё, а на здравый смысл. Людей нужно
жалеть и щадить, но нельзя честность и порядочность в отношениях друг с другом подменять
жалостью, искать компромисс там, где не может быть «золотой середины». Этим грешат многие.

13.07

Ходил в лес. Тьма запахов, до головокружения. Тепло, сыро. Пахнет прошлым годом, прелью.

31.07

Под собственным мнением очень часто и очень легко скрывают его отсутствие, т.е. собственное
невежество. Нужно – знать!

(продолжение на стр. 3).

(начало на стр. 2)

7.08

Христос погиб под стопой «святой» инквизиции. Цель не оправдала средств.

13.08

Пришло время, когда все вопросы нужно решать всем вместе и перестать цепляться за государственные границы, которые всё более и более становятся условными, решать в масштабах всей планеты. Ненависть иногда исчезает перед доверием быстрее, чем перед силой оружия.

14.08

Услышанная реплика: За глаза надо говорить хорошее, а в глаза – плохое (!) Лучше бы: в глаза всё.

1988

1.01

«Нет, у того, что написано и напечатано с позволения и у того, что куплено ценой крови, ценой жизни, вес в литературе разный. И нельзя забывать тех, кто разделил судьбу своего народа». (М. Лобанов)

«Мне ненавистны ваши убеждения, но за то, чтобы могли их высказать, я готов отдать жизнь...». (Вольтер).

В России плохо слушали и слышали Вольтера. Сейчас, как никогда, многие (и почти с пеной у рта) говорят о периоде застоя. А был ли он на самом деле? Может быть, – это выгодный трюк? Мне кажется, эта модная фраза – красная тряпка для быка. Писались неплохие романы и стихи, писалась музыка и полотна, снималось неплохое кино. Конечно, не всё было массово доступным, не всё доходило до нас. А новые технологии, научные разработки, внедрённые и не внедрённые? Всё было! Но когда и где культура была массово доступна? И при чём тут застой?!

Однокурсники – недавно узнал – выкляли у нашего препод. философии Ницше «Так говорил Заратустра». Так он им сказал, что почти до 70-х годов Ницше свободно лежал в библиотеках и его практически никто не спрашивал.

То же, наверное, будет, если «Заратустра» появится завтра в свободной продаже: пошумят и ... забудут. Что ж? и опять: «Застой!»? Чушь всё это. Ярлычки в покойницкой на пальцах мертвяков.

15.01

Мы пытались бороться с Западом, не зная толком его. Победить же вслепую – нельзя. Противника надо знать хорошо. Когда Лосева спросили: почему он – идеалист – так много времени тратит на изучение марксизма, он буквально так и ответил: противника надо знать в лицо. Как часто мы отсутствие знания прячем под маской собственного мнения (не-зна-ни-я). Может быть, вместо того, чтобы бороться, воевать, надо было просто идти рядом, поддерживая и помогая друг другу. Всё же мы все – люди. И всё многообразие наших культур – это грани одной, общечеловеческой, культуры. Чем больше граней, тем ценнее алмаз, тем ярче его игра, ярче тона и оттенки.

16.01.

На первом курсе один из преподавателей, – кажется, Варфоломеев, – говорил, что преподаватели универа познакомят нас с источниками знаний и методами работы с ними. Получение же самих знаний – только наше дело и забота.

Этот принцип можно отнести ко всем сферам жизни и деятельности человека.

30.01.

– Быть или не быть? – шекспировская издёвка над человеком, шар на бильярдном поле: от стенки до стенки. От бортика к бортику. Итог – луза, сырая, скучная могила. Я опять во власти беса одиночества и в пору запить на вечерок-другой. «Я один. Никого со мной нет...» Как я это понимаю!

31.01

История проверяется историей. Чем глубже и существеннее общественно-исторические изменения, тем больше шансов разобраться в них лишь потомкам и запутаться современникам, пусть даже и прозорливым, одарённым гениально поставленным зрением.

(продолжение следует).

• Листая старую тетрадь

Глеб Яковицкий

Родился 1972 году. В первый раз приехал на остров Великий Лучанского озера в пять лет. С 80-го года до окончания школы каждое лето проводил здесь. Сначала в Колотилове, потом в Рябинце, сейчас регулярно наезжает в гости к отцу, который живёт в деревне Волок.

После школы отслужил армию, окончил банковскую школу, но в банке работал недолго. Сейчас работает на НПО «Энергия» им. С.П. Королева. Увлекается историей Гражданской войны, член Военно-исторического клуба «Реконструкция». «Воевал» в Самаре, Ростове-на-Дону и в других местах, где проходила гражданская война. Имеет многочисленные медали и грамоты областных исторических музеев за достоверность реконструируемых боевых операций.

БЕЛЫЙ КОНЬ

Ну что, господа, готовы?
Помолимся и начнем.
И снова летят подковы
По степи ярким солнечным днем.

Взлетает клинок над папайхой,
Да пули свистят по степи.
И хруст после каждого взмаха,
Помилуй нас и спаси.

Тишина, окончено дело.
Враг на голову разбит.
Рука давно занемела.
Пусть Господь нас за это простит.

Он все видит... Труба захрипела.
Поднимайтесь, поручик, пойдем.
А степь под ногами алела,
Превращаясь в грязь под дождем.

* * *

Не смотрите, что кровь, поручик,
С вашей шашки стекает война.
Мы успеем, сполна получим
Пуль, орденов и вина.

А потом наша кровь заиграет
На клинках таких же, как мы.
Даже лучше, что не узнаем,
О конце этой страшной войны.

* * *

Кровь по венам стучит
В душной тьме, как часы,
И будильник молчит;
Нет на листьях росы.
И зима за окном,
И рассвет не рассвет,
Но не справлюсь с замком
И не выйду на свет.
Почему не туда?
Я устал взаперти.
Покажите, куда
Будем вместе идти.
Света нет впереди,
Я устал и замёрз.
Никого позади.
Может, всё не всерьёз?
Ногти в кровь ободрал,
Не могу, не могу!
Я б сейчас закричал,
Если б было кому,
И рванулся б из сил,
Всё, что есть, подобрал.
И никто б не спросил –
Виноват или прав.
Я бы жил, а не спал;
Я б летал, а не полз,
Может, даже упал,
Но уж точно всерьёз.
Но куда вы ушли?
Почему и зачем?
Может, славу нашли,
Но вопрос ведь – почём?
Может, я виноват.
Может, вы не правы.
Было много нас, брат,
Как на поле травы.
А сейчас никого.
Я устал от себя.
Да и время не то,
И иду без огня.
Может, скоро уже
И зажжется вдали
Город в сто этажей –
Золотые огни.

- **Фильм, фильм, фильм...**

Мой отчий дом – съёмочная площадка

Похоже, крохотная деревенька Сушино в Торопецком районе, моя малая родина, становится центром вселенной. В ней начали подготовку к съёмкам фильма по повести В.Быкова «Дожить до рассвета». Когда-то это была довольно населённая деревня. Сейчас в ней не осталось ни одного постоянного жителя. Оживает Сушино лишь летом, когда приезжают дачники. Дом моих родителей, проданный нами в конце восьмидесятых офицеру в отставке из Москвы, кинематографисты выбрали в качестве основного места действия. Они уже побывали в нём, оценили обстановку, очень им понравившуюся.

Надо сказать, что зимой пути к пустующей деревне не было совсем, но это не остановило дела: дорогу расчистили, где нужно подправили, в общем, сделали проезжей. Недалеко от дома возвели бутафорскую сенную скирду. Натура готова.

Взялся за экранизацию одноименной повести, написанной В. Быковым, молодой, но подающий большие надежды режиссер Евгений Сергеев-Эпштейн. Работ у него пока не много.

Однако в июне этого года на первом телеканале в рамках «Закрытого показа» Александра Гордона состоялась премьера совместной российско-германской ленты «Переселенец», над созданием которой он работал.

Военная проза В.Быкова всегда в высшей степени драматична. И вот теперь драматические события, происходящие с лейтенантом Ивановским и другими героями фильма, впишутся в стены моего отчего дома.

И вот ведь ирония судьбы: когда-то этот дом был построен немцами. Ещё до 1914 года его возвели в деревне Чернышово для жилья немецкие рабочие из совместной немецко-русской компании по заготовке леса. Отделку завершить они не успели: началась Первая мировая война. Говорят, что работников этих интернировали в Германию. Но кто его знает, так ли было, однако жить в новостройке им не пришлось. К моим родителям дом перешёл через третьи руки. Вернее, часть дома. Строение было сработанным на славу: прочным и очень большим, и купили его на вывоз два богатых хозяина. Наш предшественник возвёл свою, надо сказать, не маленькую часть в Сушине.

Родители поселились там в тридцатые годы, когда началась коллективизация. Мой дед, зажиточный крестьянин, съезжая по принуждению с хутора Федьково, приобрёл этот дом. В нём я и родился. Помню, как примерно семилетним ребёнком, играя у большого сарая, нашёл с товарищами большую кипу кем-то припрятанных под соломой екатерининских денег. Мы играли ими в футбол, туго перевязанные бечёвками, они долго служили нам вместо мяча.

В Великую Отечественную войну фашисты появлялись в деревне, искали партизан. Во время одной из таких операций и был пойман и повешен мой дядя, командовавший частью отряда. А отец мой, лейтенант-артиллерист, в это время сражался с врагом на фронте. Вышло так, что призванный ещё в 36-м году, он прошёл финскую войну, а с неё сразу оказался на Великой Отечественной. В коротенькую передышку после ранения за несколько дней до прихода фашистов успел-таки побывать дома. По чьему-то доносу, вероятно, немцы считали, что отец прячется дома. Более десяти дней допрашивали мать. Страху она натерпелась. Каждый день в 4 – 5 утра, чтобы заметить следы на росе, карательный отряд появлялся у дома. Угрожали матери пистолетом, несмотря на то, что она держала на руках моего трёхмесячного брата, кричали. Спас её местный староста, заверив, что отец давно на фронте. Отец с войны вернулся только в 47-м.

И вот теперь страшные сороковые возвращаются в эти места в событиях фильма по повести Василя Быкова. Что бы сказали на это мои родители, будь они живы?!

**Виктор Петров,
г. Конаково**

Маргарита Петрова

Ключи от рая

РАССКАЗ

Расскажу.

- Заходи через полчаса, - пригласила Зинаида по телефону напряжённым голосом, - интересненькое есть.

Выждать полчаса было выше Катиных сил. Как ни старалась она справляться медленнее, всё равно в дверь Обуховых позвонила рановато. Открыл ей сам хозяин, про которого это интересненькое и надлежало услышать, разумеется, в его отсутствие.

- Проходи, подруга, - высунула голову с кухни Зинаида, - чайку попьём.

Александр, открыв Катерине дверь, быстренько и стеснительно как-то скрылся в своей спальне, явно не желая предстать пред чужие очи.

- Что это он у тебя тихий такой сегодня, Зин? И впрямь что-то серьёзное натворил?

- погоди чуток, - мигала в сторону спальни подруга, - сейчас в гараж уйдёт, тогда...

Как только супруг, стараясь быть незаметней тени, выскользнул в дверь, Зинаида дала волю голосу и гневу:

- Представляешь, напился вчера, гад... Всю семью опозорил...

- Так он напивается с достаточной регулярностью, вот Америку открыла, - разочарованно протянула Катерина. - А чего звала-то?

- Да ты слушай, не перебивай. Представляешь, вчера с работы в гаражи заехал, а там с друзьями - в зюю... Приходит ко мне Светка из соседнего подъезда. Какой у Светки язык, сама знаешь. «Твой, - говорит, - во дворе валяется». «Пусть валяется», - отвечаю. Но все же пошла. Смотрю - и правда, лежит, прямо на снегу, шапка рядом. Больше тридцати лет живём, никогда такого не бывало, как бы плох ни был, но домой добирался. Разозлилась, сил нет. Перед людьми такой позор, в собственном дворе... Нас же за приличную семью считают. Лежи, думаю, гад. И домой.

- И не подняла?! Ну, ты даёшь! Мороз под тридцать!

- Поднимать? Позор такой из-за него на склоне лет пережить, из-за горла его? Давно ли в аварию по пьяному делу попал? Столько денег выложили, заминая ситуацию... Три месяца прошло, а он опять за своё. И пусть замерзает.

- Ну, ты это зря, подруга. Он у тебя хозяйственный мужик. За этим пьяницей дом тянется. Куда ты без него? И пенсия приличная офицерская, и работает. И руки на месте. Ты разве без него дачу и квартиру содержать могла бы? Что, так и оставила лежать?

- Пришёл не в долгах. Сам поднялся, холод не тётка.

- Голод, - говорят, - не тётка. Угомонись!

- Холод, знаешь, тоже. А что ты защищаешь-то его? Нашлась защитница! Своего ведь бросила. Дальше слушай.

- Я и так вся - внимание. Ну чем ещё удивишь?

- Не язви, а то рассказывать не буду... Ну вот... Разделся в прихожей кое-как, ключи на тумбочку бросил и в спальню. Дрыхнет, представляешь? Я тут вся на нервах, а он храпит себе.

- Что удивительного? Пьян, вот и дрыхнет. Ну ладно, ладно, не закипай. Дальше что?

- Ну, думаю, что бы мне такое сделать ему? Такое, понимаешь, чтобы запомнил на всю жизнь. Схватила с тумбочки ключи его, там вся связка: и от машины, и от гаража, и с работы от всяких кладовок и мастерских, ему же там доверяют, на хорошем счету, понимаешь ли ты, он у них. Куда бы, думаю, их деть? И как брошу между тумбочкой и шкафом. Вот сюда, посмотри. Да встань ты, посмотри! Видишь, чуть поблескивают? Лучше смотри, вон там, в глубине. Я ещё лентяжкой их в самый угол запихала. Пусть, негодяй, ищет.

(продолжение на стр. 7).

(начало на стр.6).

- Да ты чего? Как он их там найдёт? Я по твоей подсказке и то еле разглядела. Ведь ему на работу завтра.

- Сегодня ему на работу, с утра, с раннего утра. А он здесь, понимаешь? Ключики ищет. Думаешь, куда сейчас пошёл? В гараж и дорогу обследовать, в который уже раз. А время за полдень. И квартиру всю выползал, с шести часов старается.

- И ты молчишь?! Ну, ты и змея. А ведь не подумаешь на тебя. Я, скорее, на такую роль подхожу, но и я бы так не могла. А если не найдёт?

- Пусть я змея. Нынче год Змеи. А не найдёт, новые пусть делает. От всех замков. И дома и на работе, пусть косяки ломает. С начальством объясняется.

- А если с работы попрут? Тебе это зачем?

- Не попрут, его ценят как специалиста. Что ты на меня, всё «змея» да «змея». Их четверо мужиков. А я одна среди них столько лет! Будешь тут «змеей».

- Какие четверо? Это ты о сыновьях? Не гневи Бога, сыновья у тебя золотые.

- А золотые, не благодаря ли мне? Думаешь, всё само собой сделалось? Да и Шурик благодаря мне в почёте. Упасть не дам! Тут средства любые хороши. Ключи сама не отдам, и точка. Как Бог рассудит, пожалеет его - наведёт на потерю. Пусть подумает над своим поведением. Мне во двор стыдно из-за него выйти.

Вылив гнев, Зинаида успокоилась, но в своём решении осталась неколебима. Когда подруги, уже мирно беседуя, допивали по третьей чашечке чая, вернулся печальный Александр. Услышав их разговор об упавшей на днях и сломавшей ногу соседке Галине, к которой, невзирая на её просьбы о помощи, никто из проезжающих и проходящих мимо не подошёл, провинившийся муж решил, видимо, что сама судьба посылает ему случай реабилитироваться, и робко начал:

- Да, сейчас помощи не дождёшься. Я вот вчера тоже нечаянно поскользнулся, упал, - он осторожно взглянул на жену и продолжил окрепшим голосом, не услышав её возражений, - пока сам не встал, никто не помог.

- Это где же ты поскользнулся? - обретая дар речи, утраченный было от неслышанного нахальства благоверного, насмешливо спросила Зинаида.

- Да во дворе, - опять смешался супруг, - ну, когда тебе Света сказала, помнишь?

- Ну, картина маслом, - только и нашлась жена ответить.

Катерина поспешила домой, не желая участвовать в супружеских разборках. Наутро, не сумев пересилить любопытства, она позвонила Зине.

- Слушай, нашёл-таки ключи, - весело отозвалась подруга, - ещё раз на коленках всю квартиру проутюжил, но наткнулся на мой схрон. «Как же это они так глубоко упали?» - удивляется. Шёлковый. Уехал на работу. Думаю, на месяц-другой трезвый образ жизни нашей семье гарантирован. Повезёт, так и дольше. А ты говоришь: «Змея». Бери свои слова обратно. Ангел-хранитель, вот я кто. А эта связка ключей - от рая в отдельно взятой квартире.

• Новые стихи

Валерий Осипов

с. Торопаца

Тихим, мягким снегопадом
Начинался этот день,
Только снег мне не преграда,
Выйти из дому не лень.

Важно галки вдоль забора
По снежку штампуют след,
А на западе, за бором,
Уж наметился просвет.

И за целый день впервые
Появился ветерок,
Он все тучи снеговые
Споро гонит на восток.

Небо вдруг заголубело,
Поредели облака,
Снег с кустов свежайший, белый
Осыпается слегка.

Бабка с коромыслом зыбким
Мне дорогу перешла
И сказала вдруг с улыбкой:
«Вот опять зима пришла!»

ФАНТАЗИЯ - ЭКСПРОМТ

Нависло облако над озером Козловским
И продвигается к востоку понемногу.
А ветер крутит пыль столбом над перекрёстком,
На три деревни где расходятся дороги.

Деревни: Курцево, Коростино, Козлово.
Воспоминанья... Ностальгия... Блеск природы!
В который раз себя я спрашиваю снова:
Куда вы делись, деревенские народы?

Все в городах. Переселение изгоев.
Автомобили. Шума ветра не услышишь.
А мне бы тройку с бубенцами под дугою,
Чтоб вдоль деревни пыль поднять повыше крыши!

А облака висят над озером Козловским,
Плывут от запада к востоку понемногу.
Невольню я замедлил шаг у перекрёстка,
Где всё ещё не заросли травой дороги...

О БЫСТРОТЕЧНОСТИ ЖИЗНИ

Вот начал дождик моросить,
И, значит, утром жди ненастья.
И не у кого мне спросить,
Куда моё девалось счастье?

Давно ли в радужных мечтах
Был молод я душой и телом,
Не думал о своих годах,
А жизнь почти что пролетела.

Мы не спешим к заветной цели,
Успеем, думаем, всегда!
А оказалось - не успели,
И не успеем никогда.

Друзья мои! Везде и вечно
Цените время - каждый час;
Оно настолько быстротечно!
Я это понял лишь сейчас.

Да, взялся дождик моросить,
И, значит, утром быть ненастью.
Не знаю, у кого спросить,
Где поискать дорогу к счастью?

ЭКСПРОМТ

Я был с тобой в тот синий вечер,
И я цветы тебе дарил,
Но не стремился к близкой встрече
И о любви не говорил.
Прости, что обнимал за плечи,
А поцелуй холодным был;
Пишу тебе - а ты далеке,
Но я тебя не позабыл.
Под Новый год зажёл я свечи
И полбокала пригубил.
Жалею, что в тот синий вечер
Я о любви не говорил.

РОМАНС

И весна была бы не весна,
Если бы не пели соловьи;
А меня всегда лишают сна
Руки, губы и глаза твои.

И в глазах безвольно я тону,
Мимолётным счастьем дорожу,
Каждую пришедшую весну
Задержать хочу - не задержу.

И весна, как ветер, пролетит,
Цвет сирени вскоре опадёт,
Молодость никто не возвратит -
Лето своей очереди ждёт.

И придёт за летом листопад,
Зашуршит листва в саду моём.
Будет осень. Но сейчас я рад,
Что пока весною мы живём.

Владимир Юринов

На картах не значит

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

Это было описание того, как уезжали ОТ железнодорожных станций. Совсем иначе выглядела поездка НА железнодорожную станцию или в город.

Все автобусы были в Орловке проходящими. Их вот как раз и надо было «ловить». Как я уже сказал, обратное прибытие автобусов в Серышево было делом зыбким и неверным, как советско-китайская дружба. Оно зависело от массы привходящих факторов, начиная от погоды и состояния дороги, и заканчивая работоспособностью желудка водителя и градуса его взаимоотношений с проживающей по маршруту следования зазнобой. Поэтому рассчитать точное время прохождения автобусов мимо гарнизона было задачей заведомо невыполнимой. Летом было проще. Просто выходили на трассу и терпеливо ждали. Час, два, три. Зимой дело обстояло сложнее. Обычно поступали так: на дороге оставляли двоих, периодически сменяемых. Остальные отсиживались в тепле в пределах беговой доступности. Дежурные, дождавшись автобуса, останавливали его, один забирался внутрь и препятствовал возобновлению движения. Препятствовал всеми доступными способами. Вплоть до мордобоя. Второй в это время опрометью мчался к месту дислокации остальных пассажиров и «давал зелёный свисток». Группа дробной рысью устремлялась к автобусу и производила погрузку.

Впрочем, уехать получалось далеко не всегда. Очень часто автобус просто «свистел» мимо, а дежурным оставалось лишь лицезреть бока, спины и лица счастливых, расплюснутых чудовищным внутриавтобусным давлением о запотевшие изнутри оконные стёкла.

У нас, в Орловке, тоже был свой транспорт, и о нём хочется рассказать особо.

Возили нас на аэродром и с аэродрома военными автомобилями: лётный состав и штабных работников – в «кунгах» (Кузов Универсальный Не Габаритный) – закрытых, очень часто без единого окна, душных летом и промерзающих насквозь зимой, деревянных коробках, поставленных обычно на «зиловское» шасси; а всех остальных – на «тягачах» – «Уралах» и «Зилах» с брезентовым верхом. В «тягачах», в отличие от «кунгов», было вдобавок ещё продуваемо и пыльно.

Любимым развлечением личного состава в этих поездках был карточный «дурак». Но нет, не тот вульгарный «дурак», в который сплошь и рядом, один на один или двое на двое, играют в городах и весях по всей нашей необъятной стране. Это был «дурак» особый, «орловский»: трое на трое – высокоинтеллектуальная и в высшей степени азартная игра, где все карты изначально находятся на руках, и где от игроков требуются не только развитые личные качества, такие как память, смекалка и расчёт, но и умение играть в команде и на командный результат. Сразу после посадки в автомобиль все пассажиры разбивались на шестёрки, на колени в качестве игровых столов клались лётные портфели, из карманов извлекались карточные колоды различной степени засаленности, и... начиналась игра. Восемь километров бетонки до аэродрома «кунг» преодолевал обычно за пятнадцать минут. За это время чаще всего удавалось сыграть 3-6 партий, и по приезду из «кунга» почти всегда вылезали офицеры, имеющие на своих плечах, кроме родных офицерских погон, ещё и шестёрки и даже семёрки, «повешенные» в качестве «погон» карточных в ходе жёсткой и бескомпромиссной игры. На моей памяти рекордной в этом отношении была поездка, когда одной невезучей команде за дорогу успели «повесить» десятки(!).

Количество транспортных единиц в гарнизоне сильно разнилось по временам года. Если летом у каждого подразделения имелся свой «кунг» и свой «тягач», то зимой дело обстояло совсем иначе.

(продолжение на стр.10).

(начало на стр.9).

С началом морозов почти весь гарнизонный транспорт переводился на круглосуточный режим работы, то есть двигатели машин «молотили» безостановочно, лишь изредка, по большой необходимости, выключаясь на короткие промежутки времени, за которые тридцатиградусный мороз не успевал «прихватить» воду в системах охлаждения. Мера это была вынужденной – тёплых боксов в гарнизоне не существовало в принципе, о зимних, незамерзающих сортах моторного масла, а также о тосоле и антифризе, водители знали только понаслышке, зато бензина и солярки было вдоволь, тем более что в дизельных двигателях вместо солярки можно совершенно спокойно использовать авиационный керосин, которого в те времена да ещё и на аэродроме – вообще было хоть залейся. Поэтому двигатели на автомобилях и работали день и ночь. Понятное дело, такого насилия над собой движки не выдерживали, и автомобили начинали один за другим выходить из строя. Их чинили, вводили обратно в строй, они вновь ломались, и эта борьба за выживание продолжалась на протяжении всех семи зимних месяцев. Медленно, но неуклонно победу в этой борьбе одерживала равнодушная зима. Таким образом, количество приходящих за личным составом машин с приближением к весне постепенно уменьшалось, в то время как количество личного состава оставалось неизменным. Это порождало несусветную давку в «выживших» машинах, и если в «кунг», по понятным причинам, пассажиров могло влезть всё-таки ограниченное количество, то в брезентовые «тягачи» набивалось сумасшедшее число народу. Выглядел такой отъезжающий «тягач» довольно странно: обычно прямоугольный брезентовый кузов его распухал, становился почти круглым, а на его поверхности под брезентом угадывались очертания выпирающих спин, рук, голов. Однажды, любопытства ради, мы посчитали количество людей, вылезающих по приезду на аэродром из такого вот «опухшего» «тягача». К нашему изумлению, в кузов «Урала», при стандартной загрузке вмещающем около тридцати человек, натрамбовалось 87 военнослужащих! Причём, заметьте, – это в зимнем-то обмундировании! Жаль, мы ничего тогда не знали про «Книгу рекордов Гиннеса», а то, однозначно, «застолбили» бы это достижение.

Особенно мне запомнился март 85-го. Зима тогда выдалась особенно морозная, и к весне в полку остался «в живых» только один «тягач». И этот единственный живой был инвалидом. У него не работала коробка передач. Точнее, она была заклинена на третьей передаче. Эксплуатация этого «доходяги» выглядела следующим образом. Вечером двигатель на нём глушили и быстренько сливали из него воду. «Сухой» двигатель стоял на морозе ночь. Утром под двигателем разжигали паяльную лампу, и когда масло в картере достаточно прогревалось, в систему охлаждения быстренько вливали два ведра кипятка, после чего сзади в «тягач» упиралась «апашка» (АПА – аэродромный пусковой агрегат, обычно тоже на шасси «Урала»), специально пригоняемая с этой целью с боевого дежурства, и начинала «тягач» толкать. Двигатель последнего, раскручиваемый от колёс через включённую навсегда третью передачу, в конце концов запускался, и «тягач», оторвавшись от «апашки», бодро ехал в указанном направлении, то есть в гарнизон за личным составом.

Посадка же пассажиров в это инвалидное средство передвижения и вовсе превращалась в цирк. «Тягач» приезжал к «пятаку» возле гарнизона и начинал гонять по кругу, а все желающие, подбадривая себя криком, матом и гиканьем, пытались заскочить в него на ходу, как ковбои на необъезженного мустанга. Попробуйте забраться в кузов громадного «Урала», когда на вас надеты унты, утеплённые штаны – «ползуны» – и меховая куртка. Это и на неподвижной-то машине сделать весьма непросто. А теперь представьте, что машина эта к тому же ещё и двигается. Причём двигается довольно резво. Понятное дело, не всем претендентам в пассажиры удавалось «оседлать мустанга» с первой попытки. Неудачники отваливались от кузова и перезревшими сливами падали на укатанный снег. Впрочем, никто особо не расшибался – кругом ведь мех, мягко. Тут главное было – не попасть под колёса вновь накатывающего «тягача». Поэтому упавшие сильно не залёживались и, подорвавшись с грунта, резво отбегали в сторону – готовиться ко второй попытке. Некоторые, особо одарённые в спортивном отношении, попадали в кузов с четвёртого, а то и с пятого раза.

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 9-10).

Выгрузка производилась в обратном порядке: «тягач» приезжал к месту назначения и опять становился в круг. Личный состав, не мешкая, в порядке живой очереди лихо сигал с заднего борта. Разгрузив «десант», «тягач» уходил за следующей порцией людей. Катался он так целый день, поскольку он оставался один, а народу в полку было много. Когда «тягач» привозил на аэродром последнюю партию военнослужащих, первая – уже как раз собиралась отъезжать на обед.

Теперь пришла пора рассказать о транспорте личном. Да, имелся в Орловке и такой. На конец 84-го года – в количестве целых двух экземпляров. Этими экземплярами были: мотоцикл с коляской «Днепр» начальника химслужбы полка майора Яроватого и «Жигули-тройка» штатного РП (руководителя полётов) подполковника Чеснова.

«Днепр» Паши Яроватого был примечателен тем, что, в отличие от подавляющего большинства мотоциклов на достаточно северной территории Советского Союза, он эксплуатировался круглый год. Незвизывая на погоду, время суток и солнечный магнетизм. И если летом многие завидовали несущемуся по бетонке с ветерком Паше, и от желающих прокатиться на его нещадно трещащем транспортном средстве не было отбоя, то зимой на Яроватого невозможно было смотреть без содрогания. В тридцатиградусный мороз – в кожаном авиационном шлемофоне, с «танкистскими» очками на выдубленном ветром лице, с неизменной мутно-белой замёрзшей каплей под заостренным от мороза носом, – окутанный густыми белыми клубами выхлопных газов, Паша – жутким, леденящим душу призраком – проплывал мимо ожидающих на «пятак», и не было случая, чтобы кто-нибудь осмелился поднять руку. К концу зимы кожа на лице Яроватого больше всего напоминала кирзовый сапог. Причём как по фактуре, так и по цвету.

«Тройка» подполковника Чеснова была единственным легковым автомобилем в гарнизоне. Конечно, если не считать служебных «уазиков» командиров частей. Ездил на своих «Жигулях» Чеснов тоже круглогодично, для чего оборудовал себе в городке обогреваемый электрическими калориферами гараж. Когда Чеснов ехал на аэродром (с аэродрома), круг пассажиров его «тройки» был узок и включал в себя исключительно заместителей командира полка и лишь изредка – в тех случаях, когда замы уезжали на командирском «уазике» – командиров эскадрилий. Зато когда он ехал по неслужебной надобности, его пассажиром мог стать кто угодно, главное было – оказаться в нужное время в нужном месте и вовремя поднять руку.

Было у Чесновской «тройки» и ещё одно немаловажное предназначение – достаточно часто она исполняла роль «скорой помощи».

Действительно, людям свойственно болеть. Людям (некоторым) свойственно внезапно рожать. Хотя бы время от времени. В удалённом от цивилизации гарнизоне, откуда невозможно было позвонить в райцентр для вызова «скорой», и где свои, гарнизонные, санитарные машины находились чаще всего в неподобающем их статусу плачевном состоянии, бывшим постоянно на хорошем ходу «Жигулям» РП Чеснова не могло не найтись достойного применения. За свою достаточно долгую службу в Орловке Чеснов успел привыкнуть и к ночным звонкам, и к внезапным поездкам, к роженицам, стонущим на заднем сидении, и к их мужьям, нервничающим на переднем. Случалось ему и принимать роды в дороге. К моменту моего приезда в гарнизон в 84-м году, Чеснов уже принял в своей машине двух мальчиков, чем, надо отметить, несказанно гордился и при любом мало-мальски удобном случае напоминал об этом собеседнику в стиле: «А что ТЫ сделал для улучшения демографической ситуации в стране?!». Третий случай дорожных родов произошёл уже в мою бытность в Орловке и нас – свежееиспечённых лейтенантов, только что прибывших в легендарный гарнизон, – тогда несказанно воодушевил. Дабы не оставаться в стороне от столь знаменательного события, мы вырезали соответствующий трафарет и, дождавшись удобного момента, изобразили на водительской дверце оранжевой Чесновской «тройки» три синих (мальчики же!) силуэта детской коляски, на манер того как на борту истребителя рисуют звёздочки по числу сбитых самолётов противника. Подполковник Чеснов ещё долго пытался вычислить «малевичей», вероятно желая тепло поблагодарить их за столь неординарное проявление уважения, но не преуспел, а мы сами молчали, справедливо полагая, что в данном конкретном случае скромность не только украшает, но и бережёт.

(продолжение на стр.12)

(начало на стр.9-11).

Жизнь, как известно, не стоит на месте. Время шло, и эпоха развитого социализма, как принявший запредельную дозу допинга стайер, стремительно неслась к финишу. Жить становилось если не лучше, то уж, во всяком случае, веселее. Хоть медленно, постепенно, но всё-таки увеличивался парк личного автотранспорта и в Орловке. В 86-м году сразу пять лейтенантов-холостяков купили себе мотоциклы «Ява» – несбыточную мечту любого советского подростка. В 87-м ещё два лейтенанта приобрели вскладчину старенькие, но резвые «Жигули-копейку». В том же году, прорвавшись сквозь сорокоградусные морозы и пургу, преодолев сотни километров забайкальских и дальневосточных зимников, пригнал в Орловку свою чёрную «Волгу» штурман полка подполковник Пономаренко. В 88-м в гарнизоне появился мотоцикл «Урал» с коляской и потрёпанный жизнью «Запорожец», а в 89-м – сразу несколько подержанных «Жигулей», в том числе и «двойка» капитана Б., о которой на этих страницах ещё пойдёт речь.

Не обходилось и без потерь. Разбился на своей «Яве» лейтенант Е. Украли мотоцикл у старшего лейтенанта Д. Уехал по замене, продав свою легендарную «тройку» подполковник Чеснов. Сгорели во время пожара вместе с гаражом «Жигули» одного из техников.

Как бы то ни было, но на момент моего отъезда из Орловки в июле 90-го в гарнизоне насчитывалось уже около десятка разнообразных и разнокалиберных авто- и мототранспортных средств.

Надеюсь, после всего вышеизложенного картина с дальневосточным транспортом стала вам более или менее ясна. Поэтому я позволю себе, в качестве, так сказать, лирического отступления, несколько правдивых орловских историй, так или иначе связанных с транспортной темой.

Итак...

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. САМАЯ БЕЗОБИДНАЯ

Командир звена капитан В. ждал жену. Ждал он её с «большой земли». Ждал уже давно – жена уехала проводить своих родителей больше двух месяцев назад. И вот наконец почтальон принёс долгожданную телеграмму: «Встречай Серышево такого-то поезд... вагон... целую Люся». Капитан В. удивился. Нет, конечно, он очень обрадовался, но и удивился тоже. Дело в том, что с «большой земли» на Дальний Восток поездами никто не ездил. Во всяком случае, из окружения капитана В. Летали самолётами. Естественно, «Аэрофлота», поскольку других авиакомпаний в ту пору просто не существовало. Капитан В. ещё раз перечитал телеграмму и почесал в затылке. Старое проверенное средство помогло – он вспомнил, что жена однажды сказала ему, что мечтает хоть раз проехать через всю страну поездом – посмотреть на российские просторы вблизи, а не из-за облаков, из иллюминатора пассажирского лайнера. «С ума сошла!..» – подумал капитан В., но развивать эту тему не стал. Он был женат три года и уже начинал осознавать, что женщину, как и Россию, умом понять невозможно.

Дело было в четверг. Жена приезжала в понедельник. В пятницу капитан В. подошёл к своему командиру эскадрильи и показал телеграмму.

– Конечно, Юра, поезжай, встретить, – сейчас же отреагировал комэска, – даю тебе на понедельник отгул.

– Сан Саныч... – замялся капитан В. – Вы ведь знаете, поезда, они того... А я там во вторник дежурю...

– Не бери в голову, – успокоил комэска своего подчинённого. – С дежурством твоим, в случае чего, вопрос решим, – а потом опрометчиво добавил: – Встречай спокойно. Сколько понадобится. Пока не встретишь. Жена – дело святое!..

На работе капитан В. появился ровно через неделю. Он не стал лукавить и честно рассказал комэске всё: и о том, как сначала ждал в Серышево опаздывающий на тридцать часов поезд, и о том, как потом ещё трое суток, уже вместе с женой, в номере районной гостиницы компенсировал своё затянувшееся ожидание.

Комэска у капитана В. был человеком добрым, понимающим, он и сам жил на Дальнем Востоке уже не первый год и знал, что значит ждать и встречать. Так что дело в итоге обошлось даже без выговора.

(продолжение следует).

• Юбилей

СЛОВО О ХУДОЖНИКЕ

Писать трудно о любом человеке вообще. Начиная повествование, выбираешь сюжет, близкий по смыслу к собственным жизненным принципам и симпатиям. Ну, или по интересу – так тоже бывает. Прочтет материал о себе в газете твой герой-собеседник, свернет бумагу вчетверо – и положит в ящик комода, поближе к альбому с семейными фотографиями. На долгую и дальнюю память. Для детей и внуков.

...Положит – и окунется в калейдоскоп воспоминаний, переживаний, чувств, не имеющих почти ничего общего с изложенным в газетной заметке. Фрагментик человеческой жизни, красиво вычерченный буквенными знаками, останется еще одним фотографическим изображением иллюзорного бытия...

О творческих людях писать еще сложнее. Ибо при всей простоте задуманного сюжета достигнуть существенного результата все же не удастся. Сможете ли заглянуть в душу художника через его картины? Нет. Рассуждая о том, что художник хотел показать в той или иной работе, мы лишь предпримем попытку трансляции собственных мыслей и ощущений. Души мастера и мельком не касаясь.

Говоря о качествах личности, как правило, будем подразумевать телесную оболочку, спроецированную на некие известные нам добродетели (зачастую, ежели не в друзьях, имея в виду, в мыслях, совершенно противоположное).

Рассуждая же о Духе, о Божьих началах в живописце, мы и вовсе уклонимся от истины, углубясь в банальное словоблудие. Поэтому и здесь рисковать не надо: что дано Господом, то людям лучше принимать, не рассуждая.

Образ Евгения Ефимова неразрывно связан с образом самого Андреаполя. Разве что «совсем приезжие» либо городские космополиты не знают Женьку. Дядю Женю. Евгения Борисовича. «Художника не видали?» - интересуются у меня соседи по корпусу № 4 на улице Ломоносова. Жив город, пока в нем есть художники!

«Женя, слушай, а чего у тебя здесь деревья какие-то розоватые, а облачка слишком золотые?». Спустя четыре мгновения, потупя взор, наш маэстро ответит: «Понимаешь, это состояние такое...». «Понимаешь» - в смысле того, что объяснять очевидное и резона вроде никакого нет, а человек зачем-то спрашивает... «Состояние грусти» в высокосный век человечества!..

Целый город – друзья или, на худой конец – просто знакомые. Пляжи на Двине – самые любимые. Грибной лесочек – самый родной. Лимонад и квас из хлебокомбината – самые вкусные. Жизнь от рассвета до заката – один нескончаемый пленэр. Андреапольские улочки и окрестности – мотивы зарисовок, этюдов, шедевров...

День за днем – смесь красок на палитре художника. И – не «загружайтесь», современники! «Женя, гляди – какая нынче роса выпала!» - «Кстати, да...». «Женя, слушай, а дым-то коромыслом! К морозу...» - «Кстати, да...». «Жень, а...» - «Кстати, да...». Неизменное, как неизменен в пространстве и времени сам

Евгений. Как будто и не было на днях тому шестьдесят!

Андреапольский музей искренне поздравляет Евгения Борисовича Ефимова с юбилеем. Мы гордимся тем, что в наших фондах сосредоточено несколько сотен графических работ художника 1970 – 2000 гг., двух десятков этюдов маслом. Мы рады, что у нас имеется такая большая коллекция творчества земляка! И мы от души желаем живописцу воплощения в земной жизни многих и многих своих замыслов. С 60-летием, Женя!

Валерий Линкевич,
директор музея им. Э. Э. Шимкевича.

На снимке: Евгений Ефимов.

Стылый воздух вдыхая простуженной грудью,
замер парк городской, наблюдая, как с неба
опустилось на мир состояние грусти
акварельною свежестью первого снега.

Созерцая в душе краски замыслов Божьих,
Напевая деревьям старинную сагу,

По аллее пустынной шагает художник

В мастерскую, где ждут его холст и бумага.

В тесной комнатке он так доступно и просто

Парк напишет, из теней причудливо соткан...

К добрым людям и к белым октябрьским
звездам

Унесутся, как птицы, по ветру полотна.

В. Линкевич (1993)

• Размышления о прочитанном

Потребность в горечи и боли

*Если каждый – это целый мир,
Что же один
Не может без другого.
(Л. И. Болеславский)*

Идеальных людей нет и быть не может, потому как человек находится в вечном развитии, и невозможно представить, чтобы этот процесс когда-либо закончился. Но живя в обществе себе подобных, мы все нуждаемся друг в друге, связаны этой нуждой друг с другом; от каждого идёт нить отношения к каждому другому. Ещё древними мыслителями было замечено, что легче найти нечто земное, не соприкасающееся ни с чем земным, нежели человека, не находящегося в общении с человеком. При этом личный интерес человека всегда связывает его с общим благом Системы, да так, что ему не удаётся достичь одного, не пожертвовав другим, плохо обойтись со своими ближними, не причинив вреда самому себе.

*Вот человек. Он всем доволен.
И тут берёт его в тиски
Потребность в горечи и боли
И жажда грусти и тоски.*

(И. Губерман)

И порой бывает, что самой большой главой в жизни человека становится глава о его злключениях и злополучиях. Ведь люди порой так похожи на животных: большие едят маленьких, а маленькие кусают больших, всю жизнь находясь в состоянии непрекращающегося поединка.

*Журавель, парящий высоко
За облаками в небе синем,
Зачем на землю ты слетел?
Затем ли, что стремился к людям?
Здесь перья выдернут твои,
И ты утратишь дух полёта.*

(Сон Кан)

Дорогой друг-читатель, представь: перед тобой новая книга американского писателя Джонатана Франзена «Свобода». Казалось бы, всё просто: перед нами история жизни наших американских современников – супругов Патти и Уолтера Берглунд. Таких же, как мы с вами. Но давайте вместе взглянем на эту жизнь изнутри, может быть там не всё так просто, как кажется на первый взгляд...

Ах, Патти, Патти! Ох, уж эта Патти! Не к ней ли примерима русская пословица: что имеем – не храним, потерявши – плачем.

Молодые супруги покидают Вашингтон, государственную службу, за копейки покупают в провинции старый дом и потом десять лет вкалывают, приводя его в порядок. У них те же проблемы, что и у всех: кто-то поджигает их гараж, дважды влезают к ним в машину, на их пустующем участке загорелые байкеры пьют пиво, жарят сосиски, ревут моторами, не дают спокойно спать, пока Патти не выйдет из дому в тренировочных штанах и не скажет им: «Знаете, что, парни, шли бы вы отсюда.» Не правда ли, смело для молодой женщины?! Её вид вряд ли мог кого-то напугать, но годы занятий спортом (Патти – баскетболистка!) воспитали в ней присущее спортсменам бесстрашие. И с первых же дней её появления, всем стало понятно, что Патти не похожа на других. Высокая, слишком молодая женщина с завязанными в хвост волосами, мать двоих детей – мальчика и девочки. Как у всех, у неё с утра детско-хлопотные приготовления и беготня, впереди – день, заполненный радио, готовкой, пелёнками, шпаклёвкой и эмульсионной краской, к ночи – чтение детям книжки и калифорнийское вино...

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр. 14).

У Патти всегда есть ответ на любой вопрос, к тому же она прославилась своей неспособностью говорить хорошо о себе или плохо – о ком-нибудь другом. Большинство соседей считают её скромность искренней или по крайней мере забавной, да и в любом случае сложно устоять перед женщиной, которую так любят ваши дети, и которая помнит не только их дни рождения, но и ваш и поздравляет вас блюдом печенья, открыткой или букетом ландышей в вазочке, которую любезно предлагает не возвращать... Вот такой лишь маленький штрих к её портрету. И поэтому вполне естественно, что эта женщина вызывает интерес у мужчин, которые ещё себя таковыми ощущают, а это закономерно вызывает раздражение у их жён. Вот, к примеру, по мнению Мерри Полсен, Патти не была особенно прогрессивной и уж точно не являлась феминисткой, а политика вызывала у неё явное отторжение. Если упомянуть при ней выборы или какого-нибудь кандидата, она теряла своё обычное дружелюбие, начинала нервничать, чрезмерно кивать и поддакивать. И вообще, объявила Мерри своему мужу, в мнимом дружелюбии Патти нет признаков развитого самосознания, нет солидарности, нет никакой политической подоплёки, нет гибкости, и что сама она – не более чем отсталая домохозяйка. Если уже говорить начистоту, то Мерри уверена, что под приторной оболочкой скрывается жёсткая, эгоистичная, соперническая и рейганистская натура. Ведь очевидно, что Патти полностью сосредоточена на детях и доме, и ей наплевать на своих соседей, на бедных, на страну, на родителей и даже на собственного мужа...

Стоит! А вот теперь мы поговорим о её муже Уолтере. В общем и целом это положительный, если не герой, то персонаж. Красивый, умный, деликатный, интеллигентный мужчина (по мнению окружающих). Вот только его сын Джоуи с этим не считается и всячески борется за свое со взрослыми равноправие.

Кажется, что он даже не знает разницы между детьми и взрослыми. Ведь урок, который Джоуи вынес из бесконечных споров с отцом, заключался в следующем: взрослые главнее детей лишь потому, что у взрослых есть деньги. А в возрасте 11-12 лет он, по рассказам Патти, за ужином, случайно или намерено, назвал отца «сынок»... А потому – Уолтер хороший отец для дочери Джессики и своего рода сдерживающий фактор для сына Джоуи, которого, в свою очередь, безоглядно любит Патти. Но вот с дочерью Патти, несмотря на все свои усилия, никак не может добиться в отношениях доверительности, взаиморасположения и всего того, на что она рассчитывает как мать.

Но что же Уолтер? Самой яркой его чертой – помимо любви к Патти – было его добродушие. Он был идеальным слушателем: считал всякого собеседника гораздо более интересной и глубокой личностью, чем он сам. У него были удивительно светлая кожа, безвольный подбородок, ангельские кудряшки и неизменные очки в круглой проволочной оправе. А еще у него есть друг Ричард. Он – рок-музыкант. И вот складывается такая ситуация в жизни Патти: у нее есть хороший парень Уолтер, за которого она вышла замуж, и сексуальный, за которого она не вышла. И тот факт, что Ричард был очень привязан к ее мужу, заставил ее лучше относиться к Уолтеру: харизма Ричарда словно освещает все, к чему он прикасается. И воспоминание о своей девичьей влюбленности в Ричарда зреет в укромном уголке её сердца как вино, и то, что так и не произошло между ней и Ричардом, продолжает жить и стареть вместе с ними. Она чувствует себя неподвижной жирной паутиной, которая год за годом выжидает и плетёт свою сухую паутину...

И потянулись недели, заполненные мечтами о гостиничном номере, где они на один день и одну ночь исчезнут со всех радаров...

И Патти предаёт простодушного Уолтера, позволив его лучшему другу вломиться в неё, будучи сама как бы в бессознательном состоянии. В её памяти не сохранилось воспоминаний о каком-нибудь особенном удовольствии, только абстрактное осознание того, что дело сделано, - как бы там ни было...

А что же Ричард? Как же их многолетняя дружба с Уолтером? Но ведь это же инициатива Патти! Да и в конце-то концов: схожесть женских тел никоим образом не отменяет их бесконечного разнообразия... Но после любовного угара к нему приходит осознание того, что он всё разрушил

(продолжение на стр. 16).

(начало на стр. 14-15).

в их отношениях с Уолтером, позволив себе провести ночь в летнем домике с бывшей баскетболисткой, знающей толк в узких тропках возможностей... Из мимолётного романа рождается у музыканта (как и у всех людей творческих) новый альбом, где одна из песен посвящена Любви. Может быть, к тебе, Патти, а может... Но не будем гадать. **Из альбома Ричарда**

*Больше не было никого, как ты,
Для меня. Никого. Я живу
С никем. Люблю никого.
Твоё тело было таким,
Как ни у кого, -
Телом, созданным для меня,
Больше не было никого, как ты.*

Патти же погружается в тёмные пучины печали и отвращения к самой себе, и в этих дебрях всякая мелочь обретает для неё гигантские размеры. Но она по-прежнему нуждается в любви Уолтера. В противном случае она сама бы от него ушла.

«Хороший день, чтобы умереть!» - это первое, что приходит на ум Уолтеру, когда он узнаёт об измене Патти. И вот финал: полная опустошённость, утрата ориентиров в жизни супругов.

И, тем не менее, именно Уолтеру надлежало заполнять любовную пустоту в душе Патти, и это был его тяжкий крест. Мерцающий огонёк надежды, который мог поддержать только он...

Итак, возможна ли свобода выбора? Знаем ли мы, к чему стремимся, когда хотим свободы, ради призрака которой легко жертвуем своими близкими?

Прочитав «Свободу» Д. Франзена, мы должны ответить и ещё на один вопрос: в извечной борьбе отцов и детей побеждают дети... Но станут ли они от этого счастливее?!

Владимир Марков,
г. Андреаполь

«Светлячок» читаю с удовольствием. Не пропускаю ни одного номера, наоборот, дожидаться не могу, когда же будет очередной. Впечатлений всегда много, делюсь ими с соседями. Одна из соседок, Нина Павловна Семёнова, тоже стала читательницей и почитательницей нашей литературной газеты. И даже кое-что для неё написала сама, надеюсь, вы это увидите в ближайших номерах.

По поводу очередного, мартовского, номера решила немного написать, ведь авторам приятно услышать доброе слово, на которое мы часто скупы. Как всегда понравился весь номер тем, что в нём есть материалы на всякий вкус. Мне же лично показались интересными рассуждения о литературе и нашем к ней отношении Михаила Никонорова. Действительно, многие из нас очень уж материальны.

Всегда с интересом читаю дневники Смирнова. Правда, меня удивляет его уныние. Что он, совсем юный мальчик, всё ищет что-то и не находит? Как сам пишет, увидев, что на вокзале рядом с ним девочка читает Пушкина: «Кретин, как я могу скулить об одиночестве!»

Понравился рассказ Юринова «На картах не значится». Может быть потому, что у меня трое сыновей – офицеры, понимаю, как непроста жизнь в военных городках. И вместе с тем видно, что автор в этих сложностях находит свои удовольствия. Буду ждать продолжения с нетерпением.

А от стихов Романа Прохорова вообще болит душа. Понятно ведь, где эти «места не дальние». Надеюсь, что открывая свою больную душу перед читателями, он и сам становится лучше, раскаиывается.

С уважением

Эльвира Дмитриева,
г. Андреаполь.

- Готовится к печати: «А у нас во дворе»
Валентин Пажетнов

Марфа

РАССКАЗ

Марфа – подсадная кряковая утка. Привезли её к нам из Москвы друзья, выкупив ранней весной на Птичьем рынке у торговца, державшего её на верёвке, привязанной за лапку. Он и сказал, что утку зовут Марфой. Друзья посчитали, что у нас она может жить на воле, на маленьком прудике, выкопанном на краю деревни специально, как пожарный водоём. Возраст Марфы и её предыдущая жизнь остались для нас неизвестными.

Используют таких уток весной, когда земля ещё только просыпается от зимы. Селезни, одурманенные в эту чудную пору любовной горячкой, издали прилетают на призывный крик подсадной – тут их и стреляют. Подсадных кряковых уток получают от диких родителей и специально выращивают, отбирая в поколениях наиболее голосистых и любовно возбудимых уток. К лапке подсадной прикрепляют шнурок-ногавку, привязывают к ногавке грузик, чтобы утка не могла улететь, и высаживают на водоём вблизи шалаша, в котором прячется охотник. Хорошая подсадная ведёт себя очень активно: плещется, хлопает крыльями, беспрестанно и громко крякает, оглашая утреннюю и вечернюю зори отчаянным призывом истомившейся без ухажёра самочки. Редко какой селезень устоит перед соблазном доступной и желанной любви, и охота с подсадной бывает удачной.

В нашей семье семь профессиональных охотоведов. Пятеро из них имеют богатый опыт промысловой и любительской охоты. Двое только что закончили образование. Никто в семье давно не охотится вовсе не потому, что понимают охоту, как вредное занятие, что в настоящее время бытует в обществе. Нет, конечно. Охота была и есть благородное явление, имеет свои вековые традиции, которые идут от пращуров, добывавших себе охотой возможность существования. В наши дни охота открывает для людей возможность почувствовать себя частицей дикой природы, соприкоснуться с потаённой жизнью леса и его обитателями, добыть зверя, как это делали наши предки сотни и тысячи лет тому назад. И оставить для себя и своих потомков трофей, как память об одном из самых сокровенных событий в своей жизни.

Наша семья проживает в деревне на территории Торопецкого заказника, где охота запрещена. Здесь для нас свободная, открытая возможность общения с лесом, с тетеревиными и глухариными токами. Нередко выпадает удача увидеть «в живую» лося или кабана, лисицу и серого волка, а то и самого медведя! И эта возможность вполне заменяет потребность брать в руки ружьё. Да и основное занятие – дорастивание медвежат-сирот для выпуска в природу, работа с медвежатами, едва появившимися на свет Божий, располагает к проявлению особого, доброго отношения к диким животным.

Марфа оказалась уткой общительной в отношениях с человеком, хорошо отзывалась на свою кличку, быстро освоилась с прудиком, на который её выпустили, и местом, где ей выкладывали корм. Для неё началась новая, совершенно свободная жизнь. Весна ещё только начала набирать силу: распушила серёжки у ивы-бредины, чуть тронула нежной салатной зеленью прогретые солнышком пригорки, одела в лёгкую, сиреневую кисею от набухших почек берёзки – самая пора активного перелёта птиц из дальних тёплых стран к родным гнездовьям. На утренней заре можно было слышать гогот пролетающей гусиной стаи, трубное курлыканье журавлей и шумный посвист крыльев от табунка быстрых, промелькнувших в предрассветном тумане уток. Марфа оказалась из тех самых подсадных-профессионалов, голос и призывное поведение которых ценятся охотниками особо высоко. Едва заслышав пролетающих уток, а то и вовсе сама по себе, она оглашала окрестности беспрестанным, громким кряканьем, не имея в этом занятии усталости! К ней подсаживались селезни, но, определив, что попали к жилью человека, быстро приходили в себя от любовного наваждения, настораживались и вскоре с шумом улетали. Марфа при этом разряжалась такими отчаянными криками, будто ругала незадачливого любовника на своём утином языке самыми последними словами!

(продолжение на стр.18)

(начало на стр. 17).

Позывное крикание Марфы доносилось с прудика в утреннюю и вечернюю зори, и даже в самых густых сумерках, и только ненадолго прерывалось днём, во время её кормёжки, да в короткую в это время года темноту ночи. Пролёт закончился. Лишь отдельные «селезни-холостяки» время от времени подсаживались к Марфе, но, едва завидев подходившего человека, затаивались, отплывали в дальний угол прудика, как бы прячась в тень от берега, откуда неожиданно взлетали, нервно трепеща крыльями. Марфа «рассыпалась» громким криканием! И вдруг наступила сравнительная тишина, на которую все жители деревни сразу обратили внимание. Не то чтоб криква совсем перестала «горланить», будоража по утрам деревенскую тишину, а как-то понизила тональность в своём резком, скрипучем репертуаре. Оказалось, что к ней подселился красивый, с изумрудным ошейником селезень, который вскоре так освоился, что стал выходить на берег, к кормушке, куда для утки по утрам выкладывали корм. Часто на виду у приходивших поглазеть на уток людей парочка плавала бок о бок, Марфа кокетливо при этом кивала грациозно повёрнутой в сторону головкой, а селезень степенно, солидно, сохраняя гордое достоинство «шаркал»: «Ш-ш-шарк, ш-ш-шарк». Вскоре обнаружилось, что под нависшим с берега кустом ивняка утки сделали гнездо. Через время оттуда Марфа вывела на воду своих деток!

В деревне всего населения в это время пять – шесть человек. Из внуков – кто в школе, кто в институте, часть взрослых разъехалась по работам за пределами биостанции, а заезжие учёные ещё не появились. Весна. Но в продолжение дня у пруда видно было то одного, то другого деревенского жителя. Выводок с родителями вызывал у людей особый интерес. Семья, отдыхавшая на берегу, при появлении человека «стекала» в воду в строгом порядке: впереди Марфа, рядом, чуть сбоку, селезень, а за ними тёмно-серыми шариками, подёргиваясь от напряжения, как поплавочки на удочке, на которую уже попала рыбка, старательно перебирая лапками, поспешали 11 утят. Марфа заботливо, нежно покрякивая, разворачиваясь вправо-влево, оглядывалась на своих деток: «Все ли успевают?». Селезень ровно, неторопливо скользил рядом, подавая звуки совсем не те, которыми общался с Марфой в любовную пору: «Жа-жак, жак... жа-жак». Недели через две после того, как Марфа вывела своих деток из гнезда, селезень улетел. После этого он появлялся на прудике ещё несколько раз, а потом совсем исчез, и все заботы по выращиванию утят остались за Марфой. Настало время, когда молодые поднялись на крыло. В границах деревни было выкопано три небольших пруда. Стайка уток перелетала с одного водоёма на другой, выбирая по своему усмотрению тот, который им нравился, и подолгу там оставалась. Марфа оказалась плохим летуном. С трудом поднявшись за утятами в воздух, она делала небольшой круг, тяжело падала на воду, чертила по воде брюхом, шумно разбрызгивая воду. Затихала на мгновение после посадки, будто сделала важную работу, после чего хлопала крыльями, плескалась и громко, нервно кричала в пространство, выражая тем самым то ли недовольство от того, что её дети улетели, а она не смогла этого сделать, то ли от радости состоявшегося полёта.

Дарованный корм – счастливая благодать! У кормушки весь утиный выводок собирался регулярно, и если кормушка оказывалась пустой, со стороны прудика раздавались громкие, настойчивые крики Марфы, к которым приплетались нежные крикания молодых. Теперь отличить на расстоянии маму от деток оказалось делом вовсе не простым. Но вблизи это не составляло никакого труда. По цвету плоского носика молодые легко распознавались по полу: у селезней он оказался со светло-зелёным окрасом, у уток – тёмно-серым с синеватым отливом. Голоса из писклявых, чисто детских, перестроились в подростковый, почти взрослый тембр: селезни начали «шаркать», а уточки «крякать». Потребность в корме заметно возросла к концу лета-началу осени. Выводок проявлял настырные домогательства, преследуя по пятам каждого, кто появлялся около пруда, путаясь под самыми ногами и выпрашивая корм. Утки быстро обучились получать корм непосредственно около домов. Как только они появлялись у крыльца, домочадцы тут же выносили им то хлеб, то кашу, а то и крупы насыплют. Навык оказался настолько «полезным» для уток, что у них сформировалось пищевое поведение на уровне, близком к зависимости.

(продолжение на стр. 19).

Это явление вызвало беспокойство у сотрудников биостанции. Выводок прекрасно летал, птицы окрепли, набрали вес, и была надежда на то, что они улетят в период отлёта диких уток на юг. А «привязанные» к человеку через пищу могут опоздать с отлётом и остаться в деревне на зимовку. Решено было подкормку прекратить. И всё сложилось самым лучшим образом. Поздней осенью выводок начал широко летать и к концу пролёта утиных стай исчез. Улетели. Марфа осталась, держалась на пруду до ледостава, а потом была посажена в сарай, в отдельную от кур загородку. Перезимовала. К началу весны начала нести яйца, и, как только лёд на прудике растаял, была выпущена на волю. И, как и в прошлый год, над деревней повисало и звенело, рассыпаясь в деревенской тишине азартное, громкое кряканье профессиональной подсадной, зазывавшей к себе на знакомство едва появившихся пришельцев из южных земель.

Вскоро у неё объявился селезень-постоялец, поведение которого было настолько спокойным по отношению к людям, что сотрудники биостанции решили, что к Марфе прилетел её бывший ухажёр. Гнездо утки выбрали старое, прошлогоднее. Вывелось 10 утят. Селезень, как и в прошлый год, улетел, как только утята чуть повзрослели. Всё лето выводок прожил в деревне жизнью очень похожей по поведению птиц на прошлогоднюю стаю. Только попрошайничество оказалось выраженным в более яркой форме. Марфа старалась не отставать от своих детей и теперь летала вместе с ними на другие пруды. Ближе к осени пропала одна утка из выводка. Через некоторое время исчезла другая. Оказалось, что на уток начала охотиться лисица. Как ей удалось поймать птиц, никто не узнал, но её появление в сумерках у пруда регистрировалось несколько раз. Поведение выводка изменилось. Если раньше после сытной еды они оставались вечером отдыхать на берегу, рядом со своей кормушкой, то теперь, покормившись, утки «стекали» на воду, отплывали от берега и так, на воде, оставались ночевать. Нередко ночью, в совершенной темноте можно было слышать, как утки пролетали над деревней. По скрипучему голосу-покрыванию, который подавала старая Марфа, безошибочно узнавалась «деревенская» стайка птиц. Поздней осенью вся стая улетела. Улетела со своими детками и окрепшая на крыло Марфа. В новую весну на пруд иногда садились утки. Садись, шныряли под берегом, выискивая свой корм, и улетали. На постоянное жительство никто из них не заселился.

В прудике в изобилии водятся караси. Иногда для развлечения ради, а то и по потребности я выхожу на прудик с удочкой, карасей половить. Каждый раз, непременно при взгляде на прудик, возникают приятные воспоминания о замечательной утке Марфе и той радости, которую она доставила всем жителям нашей деревни своим пребыванием. Утка, попавшая к нам из неволи, проявила необыкновенную активность, как только стала птицей свободной. Создала семью, вырастила два выводка детей и улетела с ними в неизвестность. Вряд ли у неё достанет сил добраться живой в места благодатные для зимовки птиц. Но она решительно отправилась в свой последний полёт, рассекая ветер набравшими силу крыльями, навстречу воле и судьбе.

Здравствуй, Марго! Добралась, наконец, до "Светлячка", он такой милый и светлый - действительно светлячок. Читают ли его в Андреаполе, расходуется тираж? Мне понравились твои новые стихи, одно из них - о семейной паре, по-моему, есть в сборнике. «Валенки с запахом завалянки цвета спелой ржи» - замечательно, никогда бы так не придумала. Еще мне очень понравилось стихотворение В. Юринова «Лётчик» - такое лёгкое, умное, точное. К душе и "Бельчик" Пажетнова, так, кстати, я зову котенка, которого подкармливаю среди прочих. Хороши "Поэт в России - больше, чем поэт", особенно Бобунова и твоё. Молодцы, живёте не зря - "сеете разумное, доброе, вечное". Интересны и другие вещи, правда, многое я просто бегло посмотрела. Но, тем не менее, получила удовольствие.

Да, ещё мне понравилась твоя "Шаль" и "Не хлебом единым" Никонорова, дневник юноши тоже ничего.

Татьяна Казакова,
г. Нелидово

Газета за апрель на "ять", впрочем, как всегда. Очень порадовали подборки стихов Балахонова и Юлии Алексеевой, а стихотворение "Не секрет, что с каждым подчас..." - нет слов!

Петр Бобунов,
г. Нелидово

• Улыбнись

Петр Бобунов

г. Нелидово

Вчерашний день – как анекдот,

Теперь я сдвинусь:

Она сказала, что придёт,

Купив сардину.

Сказала: «Чаю заварю,

Свари картошки.

Вот только после не дури,

Ну, если трошки».

С рассвета на подъёме сил,

Прибрал квартиру,

Картошки гору наварил,

И всю в мундирах.

Пришла. Чтоб ужин удался,

Мы с ней вначале

Картошку дружно с полчаса

Разоблачали.

Блеск рыбы к действию понуждал,

Как блеск медали.

Взгляд по окружностям блуждал

От клубней к даме.

Селёдка пагубно сочна,

И гостя – Боже!

Чтоб ни покрывки им, ни дна,

Нет мочи больше!

Сардину съели, не моргнув,

Готовлю гренки.

Сейчас пойду, да как возьму

Прям за коленки.

Вот чай испит, она глядит:

«Ну что, корнет?!»

А я, что я. Живот набит

Мне б в туалет.

• Байки на скамейке

САМАЯ КРАСИВАЯ

Говорят, что лучшее средство защиты – нападение. Однажды стала я невольной свидетельницей совершенно анекдотичной ситуации. Конец девяностых годов. Я, агент местной страховой компании, выехала на село. Лето. Жаркая пора не только как время года, – страда сенокосная. Люди в деревне трудятся от

зари до зари. Ведь летний день год кормит, как говорят сельчане. Отдыхать некогда.

Ну, а я закончила свою работу и шла на остановку автобуса. По дороге встретила свою знакомую, местную жительницу. Та пригласила меня к себе домой. До прихода автобуса время ещё было, и я согласилась.

- Обедать сейчас будем, - хозяйка хлопотала на кухне, рассказывая о своём житье-бытье и расспрашивая о моём.

На столе один за одним появились деревенские угощения. Хозяйка радушно пригласила меня к столу. И тут муж её в кухню вошёл. По всему видно было: не первый день мужик «отдыхает», в то время как жена и на сенокосе, и по хозяйству, и на огороде вкалывает без продыху.

- Дачник мой явился, - пояснила она мне, - опять сто грамм просить будет, холера его возьми.

Отреагировал «дачник» незамедлительно. В адрес жены посыпались нелестные слова, мол, и такая она, и растакая. Уставшая от тяжёлой работы женщина молча повернулась к кухонному шкафчику, спокойно извлекла оттуда увесистую скалку и как-то буднично, без азарта, но с силой опустила её на голову мужа. Наступила тишина. Замерла и я, не ожидая такого. Что-то будет?!

Николай (так звали мужа хозяйки) часто заморгал и повернулся ко мне:

- Борисовна, ты видела бабу красивее моей Лизки? – вдруг выдохнул он и ушёл в спальню.

Я чувствовала, что глаза мои становятся больше, чем стёкла очков. Такая резкая перемена в мужике произошла. Словно сработала та скалка, как рубильник, переключив его с гнева на милость. Полезная в хозяйстве

вещь, однако. Не принять ли на вооружение.

**Нина
Шандаевская,
г. Андреаполь**

